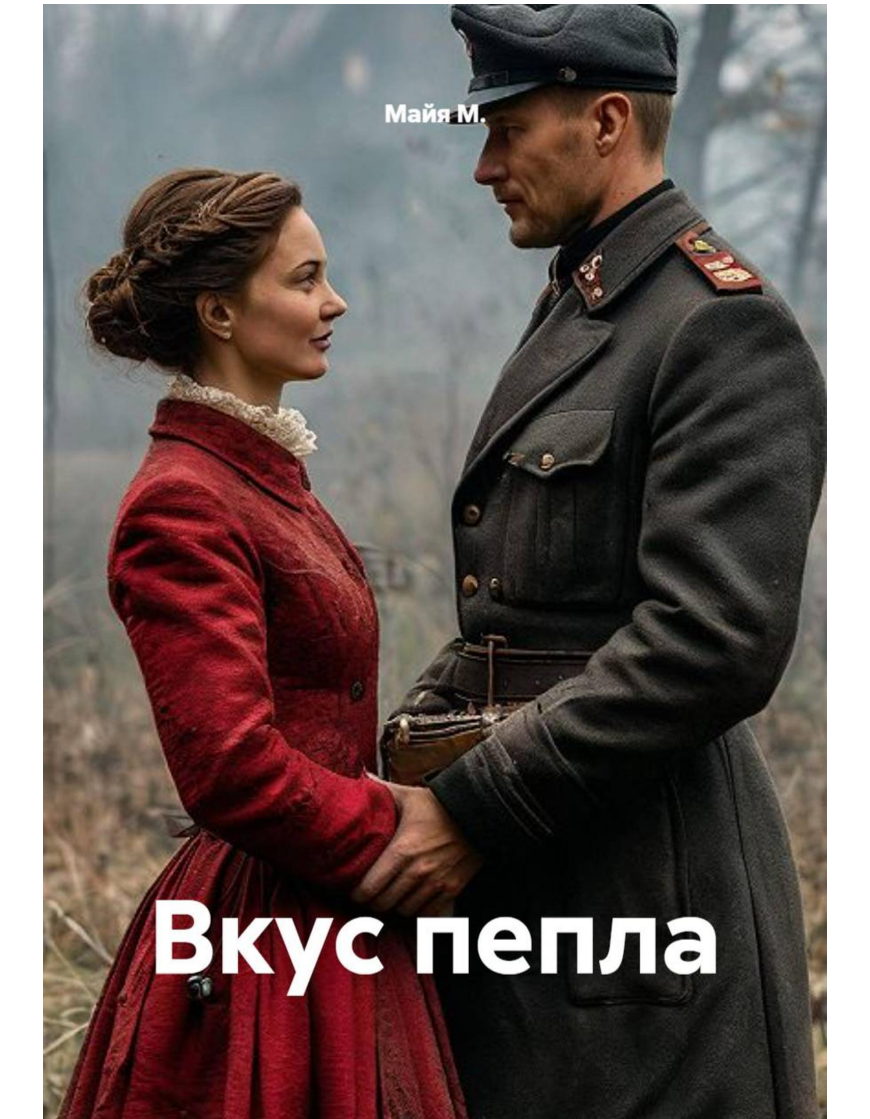

A man in a dark grey Soviet military uniform with a peaked cap and several medals on his collar stands in profile, looking at a woman. The woman is wearing a vibrant red, long-sleeved dress with a white lace collar and has her hair styled in an updo. They are standing outdoors in a hazy, wooded area. The man's hands are clasped in front of him.

Майя М.

Вкус пепла

Майя М. Вкус пепла

<https://litres.ru/74286923>

SelfPub; 2026

Аннотация

После пожара в родовом поместье Анна находит обугленные дневники бабушки. Чтобы восстановить записи, она нанимает реставратора Даниила. Страстные откровения Елизаветы о запретной любви к нацистскому офицеру меняют их жизни. Анна и Даниил повторяют чужой роман, не подозревая, что распутывают семейную трагедию, которая заставит их выбирать между долгом и чувством. «Вкус пепла» — романтическая драма о том, как прошлое оживает, когда его пытаются похоронить.

Содержание

Глава 1. Пепел и обещание	4
Глава 2. Отражения в темной воде	25
Глава 3. Призраки на граните	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Майя М.

Вкус пепла

Глава 1. Пепел и обещание

Запах гари — вот что Анна почувствовала раньше, чем увидела само пепелище. Он пропитал воздух задолго до того, как такси, шурша гравием, подкатило к покосившимся кованым воротам. Этот запах нельзя было спутать ни с чем: сладковатый, едкий, въедливый дух уничтоженной жизни. Он смешивался с ароматом мокрой после ночного дождя земли и прелых прошлогодних листьев, создавая удушающий коктейль тлена. Анна расплатилась с водителем, старавшимся не смотреть на руины, и вышла из машины. Ноги в тонких кожаных ботинках ступили на раскисшую дорогу. Она поехала, плотнее запахивая длинное серое пальто, хотя холод, пробиравший до костей, шел не снаружи, а изнутри.

Поместье Калининых, стоявшее на этом холме почти полтора века, встретило ее гробовой тишиной. От некогда величественного двухэтажного дома с мезонином и белыми колоннами остался лишь обугленный остов. Черные, словно обугленные спички, балки перекрытий торчали в серое октябрьское небо, указывая в пустоту. Крыша провалилась, увлекая за собой целые фрагменты стен. Огонь, бушевав-

ший здесь три недели назад, слизал деревянные кружева наличников, выжег дубовые рамы окон, превратив стекла в оплавленные, застывшие слезами лужицы. Каменная кладка первого этажа, местами еще державшаяся, зияла провалами окон и дверей, за которыми угадывались лишь горы мусора и пепла.

Анна стояла, обхватив себя руками, и чувствовала, как в груди, где-то за грудиной, разрастается тупая, ноющая боль. Не острая, не пронзительная, а тяжелая, словно туда положили камень. Это место было ее прошлым. Ее детством. Летние каникулы с бабушкой, чай с мятой на веранде, запах старых книг в библиотеке, скрип разошедшегося паркета в длинном коридоре. Все это исчезло в одну ночь, став пищей для прожорливого пламени. Пожарные сказали: замкнуло старую проводку на чердаке. Банально, нелепо и оттого еще более горько. Дом пережил революцию, войну, лихие девяностые, когда его растаскивали по кирпичику местные мародеры, но пал жертвой ветхого электрического кабеля.

Она заставила себя пройти через ворота, петли которых жалобно скрипнули, словно приветствуя хозяйку. Сад, некогда бывший гордостью бабушки, одичал еще до пожара, а теперь и вовсе напоминал кладбище растений. Яблони, посаженные прадедом, обгорели с той стороны, что была обращена к дому. Их черные скелеты застыли в немом крике. Кусты сирени превратились в спутанные клубки обугленных веток. Только старый дуб в дальнем конце аллеи каким-то чудом

ущелел, лишь кора с южной стороны потрескалась от жара. Анна подошла ближе. Ее взгляд скользнул по остову дома, выискивая то, ради чего она сюда приехала. Библиотека. Она находилась на первом этаже, в левом крыле. Там, где каменная кладка, казалось, пострадала меньше всего.

Стараясь дышать через рот, чтобы едкая взвесь пепла не так сильно раздирала горло, Анна шагнула через пролом в стене. Под ногами захрустели осколки кирпича, битое стекло и что-то мягкое, рассыпающееся в труху — обгоревшие остатки книг. Сердце сжалось. Здесь, в этом самом помещении, стояли шкафы красного дерева, заполненные томами в кожаных переплетах. Здесь пахло воском, пылью и временем. Теперь пахло лишь смертью.

Луч фонарика, который она предусмотрительно захватила, выхватил из темноты горы обугленной древесины, скрученные, похожие на диковинных птиц, металлические элементы светильников, и спекшуюся в монолит массу. Но самое главное — у дальней стены, частично укрытый рухнувшей балкой, виднелся массивный, хоть и сильно пострадавший от огня, сейф.

Он был вмонтирован в стену еще прапрадедом, купцом первой гильдии. В двадцатом веке в нем хранили не драгоценности, а семейные документы и главное сокровище — дневники бабушки. Анна помнила, как та, смеясь, называла их «моим приданым для вечности». Бабушка Елизавета

та Андреевна писала их всю жизнь. Толстые тетради в добротных переплетах, исписанные убористым, летящим почерком. Восемьдесят лет жизни, уместившиеся на тысячах страниц. Ане было шестнадцать, когда бабушки не стало, но она навсегда запомнила ее слова: «Если хочешь понять меня, читай дневники. В них я настоящая, без прикрас».

И вот теперь это «приданое для вечности» лежало в сейфе, который принял на себя удар стихии. Дверца покорежилась, краска облупилась, но замок, казалось, уцелел. Стараясь не думать о том, что она может увидеть внутри, Анна достала из кармана ключ. Тяжелый, с фигурной бородкой, он всегда хранился у нее в шкатулке. До этого дня он был просто памятной вещицей. Теперь стал последней надеждой.

Рука дрогнула, когда она вставила ключ в скважину. С легким, почти мелодичным звоном механизм поддался. Анна потянула дверцу на себя. Та, заскрежетавав, открылась, и из темного нутра пахнуло не гарью, а удивительно знакомым, почти забытым запахом — смесью старой бумаги, сухих духов и времени. Этот аромат был словно привет из прошлого. Из сейфа выпал кусок штукатурки, и Анна, затаив дыхание, посветила внутрь.

Тетради лежали аккуратной стопкой. Двенадцать томов. Ее взгляд скользнул по кожаным корешкам с золотым тиснением годов. Они были целы! Огонь не добрался до них. Запах гари шел от обложек, но сами страницы, казалось, лишь слегка пожелтели от жара.

Она с благоговением протянула руку и взяла верхний том. Кожа была теплой. Анна раскрыла его на первой попавшейся странице, и ее сердце радостно забилося, предвкушая встречу с живым словом.

Но радость сменилась ледяным ужасом. Страницы были мертвы. Едва она попыталась перевернуть лист, как он рассыпался в пыль прямо у нее в пальцах. Анна замерла, не веря своим глазам. Она попробовала еще раз, еще осторожнее. Кончик пальца едва коснулся края пожелтевшей бумаги, и та осыпалась мельчайшей, похожей на пудру, трухой, оставив на коже серый след. Жар, жуткий, испепеляющий жар, от которого плавилось стекло и трескали камни, проник сквозь сталь сейфа. Он не сжег бумагу, он сделал нечто худшее — он высушил ее до такой степени, что она потеряла свою структуру, превратившись в муляж, готовый рассыпаться от малейшего дуновения.

Слезы, которые Анна сдерживала все это время, хлынули из глаз. Она опустилась на колени прямо на грязный, усыпанный пеплом пол и зарыдала. Это было последней каплей. Дом сгорел, но у нее оставалась надежда на дневники. Теперь не осталось и ее. Она плакала не только о доме, не только о прошлом. Она плакала о прерванной связи. О словах, которые она никогда не прочтет. О тайнах, которые бабушка унесла с собой. Обещание, данное самой себе — «понять бабушку», — обернулось горсткой серого праха на пальцах.

Сколько она так просидела, Анна не знала. Минуты, четверть часа, вечность. Но вдруг сквозь пелену отчаяния до ее сознания дошла простая мысль. Не все тетради пострадали одинаково. Она резко подняла голову и, вытирая слезы тыльной стороной ладони, размазывая по лицу сажу и пыль, бросилась к сейфу. Дрожащими руками она стала перебирать том за томом. Первый, третий, седьмой — все обращались в пыль при прикосновении. Но те, что лежали в самом низу, у задней стенки, под толщей других тетрадей, казались более плотными. Они были не просто пожелтевшими — они были темными, обугленными по краям. Жар здесь был сильнее, но он действовал иначе: он спек бумагу, сделал ее хрупкой, как вафля, но не лишил формы.

Анна с величайшей осторожностью, почти не дыша, извлекла три тома из самого низу. Корешки обуглились, золотое тиснение оплавилось, а страницы спеклись в плотные, гофрированные от жара блоки, похожие на слоеный пирог. Они были черны по краям, но к центру проглядывался текст. Коричневые выцветшие чернила на темно-серой, почти черной бумаге. Местами листы слиплись намертво. Местами от прикосновения откалывались маленькие кусочки. Но текст, бабушкин летящий почерк, там был. Он манил, он дразнил, он обещал.

Она отыскала в машине картонную коробку из-под бумаги и, проложив каждый том слоями ткани, которые нашла в багажнике, уложила их туда. Эти три тетради, похожие на

обгоревшие головешки, были ценнее любых сокровищ. Всю обратную дорогу в город Анна молчала, придерживая коробку на коленях, словно в ней лежал живой, тяжело раненный, но все еще дышащий человек.

Квартира встретила ее стерильной тишиной. Минималистичный ремонт, светлые тона, отсутствие пыли и запахов. После пепелища все это казалось нежилым, ненастоящим. Анна поставила коробку на журнальный столик и долго смотрела на нее, не решаясь открыть. Страх снова испытать горечь потери был слишком силен. Она сделала себе чаю, походила по комнате, полила цветы, отвечая на пару рабочих писем в телефоне. Но мысли неизменно возвращались к обугленным тетрадям.

Ночью, когда город за окном уснул, Анна решилась. Она застелила кухонный стол чистой белой тканью, надела тонкие хлопковые перчатки и выложила первый том. Он выглядел безнадежно. Черная, спекшаяся масса, по краям которой виднелись оранжеватые и белые следы термического повреждения. Анна попыталась поддеть ножом для масла верхний лист. Тот с сухим треском обломился, обнажив такую же мертвую, черную поверхность внутри. Только в самой сердцевине блока угадывались серые, волнообразные слои. Они напоминали крылья мотылька, истлевшие от времени.

Следующие два дня превратились для Анны в пытку. Она перерыла весь интернет, обзванивая знакомых реставраторов, музейных работников, архивистов. Она рассылала фо-

тографии поврежденных дневников с вопросом: «Можно ли спасти хоть что-то?». Ответы приходили один за другим, и все они были похожи на приговор. «Термическая деструкция бумажной основы. Критическая степень повреждения». «Спекшийся блок не подлежит разъединению без разрушения носителя». Один известный реставратор с тридцатилетним стажем, взглянув на фото, и вовсе спросил: «Милая, а что вы там надеетесь прочесть? Эти страницы уже умерли. Лучше сожгите их и развеите пепел, как завещали предки».

Анна была в отчаянии. Она разложила тома на столе и смотрела на них часами, словно пытаясь силой мысли заставить буквы проявиться. Она узнавала отдельные фрагменты. Вот бабушкина характерная заглавная «Е», с тремя витками. Вот дата: «2 ию...». Вот обрывок слова, написанного особенно жирно: «...трасть». И все. Остальное было скрыто чернотой и тленом. Анна чувствовала себя перед стеной, глухой и непреодолимой. Обещание, данное себе, становилось насмешкой.

Именно в этот момент, когда она уже готова была сдаться и принять неизбежное, в ее дверь позвонили.

На пороге стоял мужчина. Он был высок, худощав, одет в темно-синий свитер грубой вязки и потертые джинсы. На вид — около сорока, может, чуть меньше. Его лицо, словно вырезанное из светлого дерева, не было красивым в классическом смысле, но притягивало внимание своей асимметрией и подвижностью. Тонкий, с горбинкой, нос, глубоко по-

саженные серые глаза, излучавшие какой-то усталый интеллект, и нервный, резко очерченный рот. Вьющиеся темные волосы, тронутые сединой на висках, были небрежно зачесаны назад. В руках он держал потертый кожаный портфель.

— Вы — Анна Калинина? — его голос оказался низким, с легкой хрипотцой, словно он только что проснулся или долго молчал.

— Да. Мы договаривались?

— Меня прислал Григорий Аркадьевич, — пояснил он, переступая с ноги на ногу. — Из музея. Он сказал, вам нужен человек, который занимается... безнадежными случаями.

Григорий Аркадьевич был тем самым реставратором, что посоветовал сжечь дневники. Видимо, он дал ее контакты кому-то еще, решив, что от сумасшедшей клиентки можно хотя бы избавиться таким способом.

— Безнадежными? — горько усмехнулась Анна, отступая вглубь прихожей. — Что ж, вы пришли по адресу. Проходите.

Он шагнул внутрь, и Анна заметила его руки — длинные, узкие, с тонкими и очень сильными пальцами. Руки пианиста или хирурга. Он снял ботинки, аккуратно поставил их у порога и прошел в гостиную, где на столе, словно на операционном каталке, лежали обугленные тома.

— Меня зовут Даниил, — представился он, разглядывая

останки дневников. Он не спрашивал, не ахал, не качал головой. Он просто смотрел, чуть склонив голову набок, словно слушал. Его взгляд скользил по обугленным краям, спекшимся блокам, осыпавшимся фрагментам. Он поднес руку к тому, что лежал в центре, но не коснулся, а лишь повел ладонью в воздухе, в сантиметре от поверхности, словно считывал тепло, все еще хранившееся в бумаге.

— Даниил, — повторила Анна, ожидая фамилии, но он промолчал. — Кофе? Чай?

— Пока ничего, — мягко отказался он. — Можно... можно я посмотрю ближе?

Она кивнула. Даниил открыл портфель и достал небольшие налобные очки-лупы, похожие на те, что используют часовщики. Укрепив их на голове, он взял пинцет и тонкий металлический шпатель. Анна смотрела, затаив дыхание. В его действиях не было ни суеты, ни боязни. Только спокойная, уверенная сосредоточенность. Он изучал том за томом, подсвечивая их маленьким, но мощным фонариком, который давал холодный, почти лунный свет. Иногда он замирал, почти не дыша, и тогда тишина в комнате становилась звенящей.

— Вы работаете с бумагой? — тихо спросила Анна.

— Я работаю со временем, — ответил он, не оборачива-

ясь. — С тем, во что оно превратило вещество. Это пиролиз. Не горение, а термическое разложение без доступа кислорода. Им повезло. Если бы внутрь сейфа проник воздух, они бы просто сгорели. А так... они законсервировались в собственном жаре. Превратились в уголь, но сохранили форму.

Он выпрямился и снял очки. Его серые глаза теперь смотрели на Анну с непонятным выражением. Там был интерес, но к нему примешивалось что-то еще, похожее на тревогу.

— Я могу это прочесть, — сказал он.

Сердце Анны пропустило удар.

— Что?.. Как? Мне все сказали, что это невозможно. Бумага рассыпается.

— Все правильно сказали. Механическим способом разделить листы нельзя. Даже газовым потоком или ультразвуком — структура нарушена, они разрушатся. Нужен другой подход. Я работаю с технологией мультиспектрального сканирования высокого разрешения, — он говорил медленно, подбирая слова, словно объяснял ребенку. — Томограф. Мы просвечиваем блок послойно, делаем тысячи срезов. Рентгеновские лучи проходят сквозь углеродизированную массу и улавливают малейшие перепады плотности.

— Перепады плотности? — не поняла Анна.

— Чернила. Бабушка писала железо-галловыми чернилами. Они въедаются в бумагу, оставляя не только цветной, но и микроскопический рельефный след. Вдавленность. Уголь этот след хранит, даже когда видимый пигмент исчезает. Томограф считывает рельеф, а специальное программное обеспечение восстанавливает буквы. Словно проступающие из пустоты, — он на секунду замолчал, глядя на тетради. — Это похоже на чтение с надгробной плиты, с которой время стерло надпись.

Анна слушала его как зачарованная. Надежда, которую она уже похоронила, вновь робко распустила лепестки. Этот странный, нелюдимый человек с усталыми глазами и руками музыканта говорил о том, что казалось магией. Но она знала, что за этой магией стоит наука.

— Сколько это займет времени? — спросила она.

— Все зависит от объема и состояния. Каждая страница — это часы работы. Сканирование, обработка, расшифровка. Месяцы. Возможно, год.

— А цена?

Даниил, наконец, впервые посмотрел ей прямо в глаза. Его взгляд был спокойным и оценивающим.

— Я беру дорого, Анна. Очень дорого. Моя работа стоит столько же, сколько хороший автомобиль.

— Мне не нужен автомобиль, — твердо сказала она. — Мне нужно прочесть эти дневники. Я заплачу любые деньги.

Он чуть заметно кивнул, принимая условия игры. В его глазах не мелькнуло алчности, только удовлетворение мастера, которому доверили редчайший артефакт.

— Тогда мне понадобится оборудование. Я перевезу его сюда, если позволите. Транспортировка этих томов — слишком большой риск. Вы можете выделить мне помещение? Для лаборатории нужно немного места и полное отсутствие прямого света.

Анна подумала о пустующей кладовке, смежной с гостиной. Восемь квадратных метров, окно выходит на север, в стену соседнего дома.

— Да, я найду.

— И еще, — Даниил повернулся к ней, и его лицо стало жестким. — Если я берусь за эту работу, я делаю ее на своих условиях. Первое и главное условие — невмешательство. Вы не будете смотреть на то, что я делаю, пока я сам не покажу

вам результат. Никаких визитов в лабораторию, никаких вопросов «ну как?», никаких попыток заглянуть в расшифрованный текст. Это творческая и кропотливая работа, похожая на археологические раскопки. Свидетели мне не нужны.

— Но ведь это дневники моей бабушки, — растерянно проговорила Анна.

— Тем более. Поверьте, когда я начну извлекать текст, это будет выглядеть некрасиво. Словно препарирование трупа. Тот, кто любил этого человека, не должен видеть процесс оживления памяти по кускам. Вы получите готовый, спасенный текст. И только тогда, когда я скажу, что больше ничего извлечь нельзя. Это мое незыблемое правило. Либо так, либо никак.

Его голос звучал непреклонно. Анна чувствовала, что спорить бесполезно. Этот человек жил в своем мире, мире молекул, фотонов и теней прошлого, и правила в этом мире устанавливал он.

— Хорошо, — согласилась она. — Я согласна. Вы будете присылать мне то, что уже готово?

— Да. Фрагменты, по мере их восстановления. Я буду присылать файлы на вашу электронную почту. Вы сможете читать их где угодно, но только не здесь. Не пока я работаю.

— Он позволил себе легкую, почти незаметную улыбку. — Идет?

Она кивнула. Внутри нее боролись страх и волнение. Она отдавала самое сокровенное — память о бабушке — в руки незнакомого, пугающего своим спокойствием человека.

Начало работы превратило квартиру Анны в филиал научной лаборатории. Даниил приехал на следующий день с двумя огромными кофрами. В одном были упакованы части портативного томографа, мониторы и системный блок, в другом — бесчисленные коробочки с инструментами: пинцеты, скальпели, кисточки, баночки с реактивами и какие-то пузырьки. Он превратил кладовку в герметичную «чистую комнату», завесив стены плотной черной тканью и установив мощную вытяжку. Теперь оттуда постоянно доносился низкий, вибрирующий гул работающего оборудования, и через щель под дверью пробивался холодный призрачный свет.

Сам реставратор жил где-то в городе, приезжая каждый день к девяти утра и уезжая глубокой ночью. Анна слышала, как он ходит по квартире, когда не спит, как открывает дверь своим ключом. Иногда они сталкивались на кухне, когда она варила утренний кофе, а он наливал себе стакан воды из-под крана и пил его большими, жадными глотками, запрокинув голову. Между ними установился странный, молчаливый быт. Они почти не разговаривали, но присутствие друг друга ощущали постоянно.

Она слышала, как он работает. Сначала долгое время стояла тишина, нарушаемая лишь гулом томографа и мерным постукиванием клавиатуры. Потом раздавался его голос. Он разговаривал сам с собой или с тетрадями. До Анны доносились обрывки фраз: «Ну же, давай, проявись...», «Вот тут был изгиб, смотри, какая „в“», «Осыпалась... Черт, осыпалась, держи её». Этот процесс завораживал и пугал ее, словно за стеной колдовали над воскрешением мертвеца.

Первая неделя не принесла результатов. Даниил был мрачен и неразговорчив. На вопросы Анны отвечал односложно, пряча глаза. Она уже начала сомневаться, не ошиблась ли, поверив ему, но сдерживала данное слово. На восьмой день он вышел из лаборатории раньше обычного, когда за окном еще только серело. Его лицо было осунувшимся, но в глазах горел странный, лихорадочный огонь.

— Есть первый фрагмент, — сказал он, протягивая ей флеш-карту. — Это с третьего тома. Верхние слои спеклись в монолит, но в центре, начиная с глубины в три миллиметра, пошла структура. Мне удалось разделить виртуально один лист. Точнее, его половину.

Анна дрожащей рукой взяла флешку. Маленький кусочек пластика, который весил почти ничего, но в этот миг казался ей неподъемным.

— Здесь только текст. Я убрал шумы, повысил контрастность. Это... это очень интимно, Анна. Я сделал так, как вы

просили. Но я должен предупредить: то, что пишет ваша бабушка, — это исповедь. Я прочел, чтобы убедиться в читаемости. И мне показалось, вы должны знать, что это текст не для посторонних глаз.

Он говорил сбивчиво, не глядя на нее. Анна поняла, что он смущен. Он, этот холодный и отстраненный профессионал, был смущен содержанием того, что прочел. Это заинтриговало ее до крайности.

— Я благодарна вам за предупреждение, Даниил. Но это моя семья. И я хочу знать все.

Он резко кивнул и ушел в лабораторию, плотно закрыв за собой дверь. Гул томографа возобновился с новой силой.

Анна прошла в спальню, села на кровать и вставила флеш-карту в ноутбук. Сердце колотилось где-то в горле. Она открыла файл. На белом фоне проступили неровные, ломкие, местами прерывающиеся, но отчетливые буквы. Почерк бабушки. Ее «Е» с тремя витками.

Она начала читать.

«...И когда его поезд скрылся за поворотом, я поняла, что часть меня умерла. Нет, не так. Часть меня осталась в том купе, на тех скомканных простынях, пропахших его телом и табаком. Я стояла на перроне, вдыхая запах угольного дыма и креозота, и чувствовала, как внутри, там, где еще час назад горел пожар, теперь расплзается ледяная пустота. Он запре-

тил мне плакать. „Никаких слез, Элизабет“, — сказал он своим проклятым, низким голосом, который проникал под кожу, как вибрация виолончели. И я не плакала. Я улыбалась, как последняя дура, и махала рукой, пока могла различать его силуэт в окне вагона. Он смотрел на меня до самого конца. Я знаю, я чувствовала этот взгляд — цепкий, властный, обжигающий.

Только когда дым рассеялся окончательно, я позволила себе дышать. Воздух рвал легкие. Я вернулась домой, в поместье, которое теперь казалось мне склепом. В моей спальне пахло им, хотя прошло уже несколько часов. Его запах — смесь дорогого одеколона, кожи от портупеи и чего-то терпкого, мужского, животного — впитался в портьеры, в подушки, в мои распущенные волосы. Я зарылась лицом в постель и закричала, но крик вышел беззвучным, похожим на вой раненого зверя.

Как я могла? Как я, Елизавета Калинина, дочь своих родителей, воспитанная в строгости и страхе Божьем, могла пасть так низко? Ответ был прост, и он же был чудовищен: я полюбила. Полюбила не мальчика из соседнего имения, не столичного чиновника, не художника с тонкой душой. Я полюбила врага. Оккупанта. Того, кого моя страна проклинала на всех углах, чье имя произносили с пеной у рта и ненавистью. Я отдала ему себя, свою честь, свою душу — без остатка. И самое страшное — я ни о чем не жалею.

Даже сейчас, выводя эти строки, я чувствую его руки на

своём теле. Помню каждую родинку на его груди, каждый шрам на спине. Помню вкус его губ — горьковатый, с привкусом крепкого черного кофе. Помню его слова, те, что он шептал мне в темноте, когда мы лежали, сплетясь телами, и за окном шел дождь. „Ты — мое единственное спасение, Лиззи. В этом мире боли и грязи только ты заставляешь меня чувствовать себя человеком“. Он называл меня Лиззи. И от этого уменьшительного имени, произнесенного с его грубоватым акцентом, у меня слабели колени.

Я знала, что это грех. Знала, что наша связь обречена с самого начала. Мы встречались тайно, в сторожке лесника, на заброшенной мельнице, в его штабной машине. Каждое свидание могло стать последним. Однажды нас едва не застукали партизаны. В другой раз — его собственный адъютант, который слишком пристально на меня смотрел. Но страх лишь разжигал нашу страсть. Она стала острой, как лезвие бритвы, по которому мы оба шли босыми ногами, зная, что рано или поздно упадем...»

На этом текст обрывался. Последнее слово, «упадем», было написано особенно размашисто, а затем экран ноутбука заполняла серая рябь помех. Анна сидела, не в силах пошевелиться. Она перечитала отрывок трижды, прежде чем смысл до конца дошел до ее сознания. Ее бабушка, Елизавета Андреевна, гордая и строгая женщина, которую она помнила всегда в темных закрытых платьях и с неизменным пучком седых волос, писала это. О страсти. О запретной любви.

О враге. Нацистском офицере.

В ушах стоял шум. Она пыталась сопоставить свои детские воспоминания с этими строчками. Бабушка, которая учила ее молиться перед сном и читала на ночь жития святых. Которая говорила о грехе и добродетели. Которая никогда не вспоминала войну. Никогда. Эта бабушка жила двойной жизнью, полной тайных свиданий и обжигающей, животной страсти? Это не укладывалось в голове.

И тут она почувствовала что-то еще, кроме шока и неведения. Эхо. Странное, будоражащее эхо от этих слов в собственной душе. «Он запретил мне плакать...». «Его голос проникал под кожу, как вибрация виолончели...». «Вкус его губ — горьковатый, с привкусом крепкого черного кофе...». Она поймала себя на том, что в ее воображении вместо размытого образа нацистского офицера вдруг возникло лицо. Тонкое, с горбинкой нос, глубоко посаженные серые глаза. Она тряхнула головой, отгоняя наваждение. Это было глупо. Нелепо. Просто она слишком много думает об этом человеке, который день и ночь колдует над дневниками.

Она встала с кровати и подошла к окну. За стеклом догорал серый осенний день. Внизу, у подъезда, стоял Даниил. Он курил, прислонившись к капоту своей старой черной машины, и смотрел вверх, прямо на ее окно. Их взгляды встретились. Анна отпрянула, словно застигнутая за чем-то постыдным. Но было поздно. Этот обмен взглядами, короткий, но пронзительный, установил между ними новую связь.

Связь, замешанную не на договоре и деньгах, а на общей тайне, что теперь витала в воздухе их общей квартиры. Тайне «Вкуса пепла», которую им предстояло не просто восстановить, но и прожить.

Она опустила штору и прижалась лбом к холодному стеклу. «Во что я ввязалась?» — прошептала она в пустоту. И сама же себе ответила: в историю, которая не закончилась. Историю, которая только начинала раскручивать свою спираль, чтобы затянуть в воронку всех, кто к ней прикоснется. А этот реставратор с глазами, видящими тени прошлого, станет ее проводником в тот мир. Или тем, кто подтолкнет в бездну. Она этого еще не знала. Но смутное, тревожное предчувствие уже поселилось в сердце.

Глава 2. Отражения в темной воде

Ночь после первого прочитанного фрагмента стала для Анны настоящей пыткой. Сон не шел, мысли, растревоженные откровениями бабушкиного дневника, роились в голове, словно потревоженный улей. Она ворочалась с боку на бок, сминая влажные от испарины простыни, но перед глазами неизменно вставала одна и та же картина: заснеженный перрон, клубы пара от паровоза и силуэт мужчины, чье лица она не знала, но чье присутствие ощущала почти физически. Образ нацистского офицера, сотканный из слов Елизаветы Андреевны, обретал плоть и кровь, наполняя спальню душным, терпким запахом табака, кожи и опасности. И всякий раз, когда Анна почти проваливалась в дрему, этот мужчина оборачивался, и она видела не размытый образ из сороковых годов прошлого века, а до боли знакомые серые глаза Даниила.

Она просыпалась в холодном поту, садилась на кровати и прижимала ладони к пылающим щекам. «Это безумие, — говорила она себе. — Он просто человек, с которым я работаю. Он реставратор. Он восстанавливает текст. Между нами нет и не может быть ничего общего, кроме этих дневников». Но предательская память тут же подсовывала подробности: как он пьет воду на кухне, запрокинув голову, как двигаются его кадык и длинная шея, как напрягаются сильные пальцы,

державшие стакан. Она помнила его походку — легкую, крадущуюся, словно он боялся потревожить даже воздух. И этот его взгляд, брошенный снизу вверх, от машины, когда он курил и смотрел на ее окно. В нем читалась не просто оценка работодателя, а что-то иное, темное и понимающее.

В шесть утра, отчаявшись уснуть, Анна пошла в душ. Горячие струи хлестали по напряженным плечам, по шее, смывая остатки дурных снов, но не смывая чувства вины и какого-то липкого, стыдного предвкушения. Она намеренно сделала воду почти ледяной в конце, чтобы встряхнуться. Холод обжег кожу, перехватил дыхание, но помог прояснить мысли. Нужно взять себя в руки. Она — взрослая, состоявшаяся женщина, а не восторженная институтка, готовая растаять от пары загадочных взглядов и низкого голоса. Ей двадцать восемь, у нее успешный бизнес по дизайну интерьеров, она привыкла контролировать все процессы — от выбора оттенка краски до психологического состояния клиентов. Она не позволит каким-то вибрациям, идущим от чужого мужчины, выбить ее из колеи.

Она надела строгие черные брюки и белую блузку, заколола еще влажные волосы в тугий пучок. Парадный доспех был готов. Выйдя из спальни, она сразу услышала знакомый гул томографа из-за двери лаборатории. Даниил был уже на месте. В кофеварке булькала готовая порция кофе. Это было частью их молчаливого ритуала: он приезжал рано, около восьми, варил кофе на двоих, выпивал свою чашку, стоя

у окна, и уходил в лабораторию, оставляя вторую для нее. Анна взяла кружку в ладони, вдохнула горьковатый аромат и сделала глоток. Кофе был сварен именно так, как она любила — крепкий, с едва заметной горчинкой, без сахара.

Откуда он знал? Она никогда не говорила ему о своих предпочтениях. Может, заметил, как она варит его сама? Эта мелкая, почти интимная деталь, знак внимания, о который она могла бы споткнуться лишь краем сознания, сейчас показалась ей оглушительной. Анна отставила кружку, чувствуя, как тщательно выстроенная броня дает первую трещину. Ей нужно было отвлечься, и лучшее лекарство — работа. Она открыла ноутбук, развернула чертежи загородного дома для новых клиентов и попыталась погрузиться в мир линий, пропорций и колористических карт. Получалось плохо. Мысли предательски соскальзывали с интерьеров гостиных обратно в сорок третий год, в сторожку лесника, где среди запаха прелой хвои и старого дерева ее бабушка отдавалась врагу.

Дверь в лабораторию скрипнула, и Анна инстинктивно выпрямилась, как солдат по стойке смирно. Даниил вышел, бесшумно ступая по паркету. Сегодня на нем был серый свитшот с высоким горлом и темные домашние штаны. Он выглядел уставшим, даже более уставшим, чем обычно. Под глазами залегли глубокие тени, а и без того резкие черты лица заострились еще сильнее. В руках он держал небольшой пластиковый контейнер, внутри которого на черном бархате

лежало нечто, похожее на чешую доисторического животного. Это были фрагменты спекшихся страниц, которые он, по видимому, только что извлек из недр тетради.

— Есть прорыв, — сказал он своим низким голосом, который теперь неизменно отзывался у Анны дрожью в солнечном сплетении. — Мне удалось разделить еще один блок. Том третий, середина. Там, где вы остановились вчера.

Он подошел к ее столу и поставил контейнер. Анна заставила себя смотреть на обугленные хлопья бумаги, а не на его руки, которые все еще держали пластиковый бокс. Пальцы с длинными, аккуратными, но сейчас слегка пожелтевшими от реактивов ногтями, казалось, излучали жар, от которого воздух вокруг дрожал.

— Я пока не могу дать вам файл, — продолжил Даниил. — Текст очень фрагментирован, программа собирает его по кускам. Но то, что уже есть... — Он замолчал, и его взгляд скользнул по ее лицу, на мгновение задержавшись на плотно сжатых губах. — Я подумал, вы должны знать. Это очень сильный текст, Анна. Даже по меркам того отрывка, что вы читали вчера. Мне нужно предупредить вас снова.

— О чем? — вырвалось у нее почти помимо воли. Она ненавидела себя за этот глупый, дрожащий голос, за то, как предательски пересохло во рту. Она чувствовала себя кроликом перед удавом, но ничего не могла поделать с магией, исходившей от этого человека. С каждым днем эта магия становилась сильнее, концентрированнее, словно сам воздух в

квартире был пропитан флюидами из дневников, и они неизбежно меняли химию их тел и душ.

— О том, что в этих дневниках Елизавета Андреевна не сдерживает себя ни в чем, — тихо ответил он. — Она пишет так, как не принято писать. Так, как говорят наедине с Богом или с любовником. И эти слова, когда я их читаю, когда я восстанавливаю каждую букву... — он осекся, сжимая челюсти. Желваки заиграли на его скулах. — Это сложно объяснить. Словно я подглядываю за чем-то сакральным, на что не имею права. И вы, читая это, тоже становитесь свидетелем. Я лишь хочу убедиться, что вы готовы.

— Я готова, — солгала Анна. Она понятия не имела, готова ли она. Она не знала, что там, в этих обугленных недрах, но ее толкала вперед сила, превосходящая обычное любопытство. Смесь азарта исследователя, наследственной тяги к семейным тайнам и, что уж греха таить, животного желания вновь пережить тот шок, что сковал ее прошлой ночью. Шок узнавания, от которого кровь закипала в жилах.

Даниил ничего не ответил. Он лишь кивнул каким-то своим мыслям, развернулся и исчез за дверью лаборатории. Гул томографа стал громче. Анна осталась одна, и тишина вокруг сгустилась, став осязаемой, как кисель.

Она прождала весь день, пытаясь работать, но толком не продвинувшись ни на шаг. Каждый звук из лаборатории: звяканье металла, вздох разочарования или удовлетворения, приглушенный голос Даниила, бормочущего что-то нераз-

борчивое, — заставлял ее вздрагивать. За окном стемнело рано, по-осеннему быстро. Дождь забарабанил по стеклу, и его монотонный ритм, смешиваясь с гулом томографа, создавал гипнотическую мелодию, вгонявшую в транс.

Около одиннадцати вечера, когда Анна, сдавшись, просто сидела в кресле, глядя в одну точку на стене, дверь лаборатории распахнулась. Даниил не вышел, а скорее выплыл из нее, держа в руках флеш-карту. Он пересек комнату и положил ее на журнальный столик рядом с нетронутой чашкой давно остывшего чая.

— Это следующий фрагмент, — произнес он. Его голос звучал глухо, словно он долго молчал или сорвал горло. — Я пойду, покурю.

И он вышел из квартиры, оставив Анну наедине с флеш-кой, светящейся в полумраке синим огоньком.

Рука сама потянулась к ней. Ноутбук ожил, приветливо засветился экран. Анна дрожащими пальцами нажала на иконку файла. На этот раз текст открылся не в обычном текстовом редакторе, а в виде сканированной страницы, наложенной поверх восстановленной цифровой модели. Она видела обугленный, изуродованный лист дневника и поверх него — ровные ряды букв, восстановленных программой Даниила. Это было завораживающее зрелище — рождение текста из небытия.

«...Никогда не думала, что запах мужчины может свести с ума. Сегодня он пришел с мороза, весь в снегу, его шинель

пахла зимой, табаком и чем-то неуловимо чужим. Пока он отряхивал снег, я стояла, вжавшись в угол нашей каморки на мельнице, и смотрела на него, как кролик на удава. Он заметил мой взгляд и усмехнулся своей кривой усмешкой, от которой у меня до сих пор подкашиваются ноги. „Замерзла, Лиззи? — спросил он, снимая перчатки. — Иди сюда, я согрею“. И я пошла. Я не могла не пойти. Мое тело двигалось само, словно подчиняясь магниту, спрятанному в его груди. Он расстегнул шинель, и я прижалась к нему, чувствуя, как колотится его сердце под кителем. Он был горячим, словно печь. Мои замерзшие пальцы он взял в свои ладони и начал дышать на них. Его дыхание обжигало. Затем он поднес мою руку к губам и поцеловал каждый палец, не сводя с меня глаз. Этот поцелуй был интимнее, чем все наши предыдущие ласки. Я поняла, что пропала окончательно.

„Я хочу тебя, — сказал он тихо, почти шепотом. — Прямо сейчас. Здесь, на этом старом тюфяке, где холодно и пахнет мышами. Плевать. Я не могу больше терпеть“. Его слова ударили в низ живота тугой волной жара. Я закрыла глаза, чувствуя, как его руки скользят по моей спине, расстегивая крючки платья. Он делал это умело, несмотря на дрожь в пальцах. Моя кожа покрылась мурашками, когда холодный воздух коснулся ее. Но холод исчез мгновенно, едва его горячие ладони легли мне на талию. Он поднял меня, словно пушинку, и уложил на этот проклятый тюфяк, на старые, пропахшие пылью одеяла.

То, что было потом, я не могу описать, не краснея, но я обещала себе быть честной в этом дневнике. Поэтому я напишу. Он не был нежным в тот раз. Он был голодным, изголодавшимся по мне так же сильно, как я по нему. Его поцелуи были жадными, кусающими, он покрывал мое тело своим, вдавливая меня в жесткую поверхность. Он не шептал ласковых слов, он рычал их сквозь зубы, перемежая русскую речь с немецкой, и от этого звучания, грубого и гортанного, у меня закатывались глаза. Он был беспощаден, но именно в этой беспощадности я нашла пик наслаждения, которого не знала раньше. Я кричала, и мне было плевать, услышит ли нас лесник, или случайный патруль. Мир перестал существовать. Были только его руки, его губы, его тяжесть и этот сумасшедший, животный ритм, в котором мы двигались, как единый организм.

Потом мы лежали, обессиленные и мокрые от пота, несмотря на холод. Он курил, стряхивая пепел прямо на земляной пол, а я рисовала пальцем узоры на его груди. „Что с нами будет? — спросила я тихо. „Ничего хорошего, Лиззи, — ответил он, глядя в потолок. — Война все спишет. Но пока ты рядом, я жив. Я хочу, чтобы ты помнила это. Чтобы ты ни случилось, я жив только потому, что люблю тебя“. И тогда я впервые за все время заплакала. Он повернулся ко мне, стер слезы большим пальцем и поцеловал меня в лоб. Это было так целомудренно после всего, что мы только что делали, что я зарыдала в голос. Он прижал меня к себе и гла-

дил по голове, пока я не уснула в его руках».

Анна перевела дух, не заметив, что все это время сидела, почти не дыша. Текст пульсировал на экране, и ей казалось, что она чувствует запахи, описанные бабушкой. Запах снега и табака, запах старого тюфяка и мужского пота. Она чувствовала жесткую ткань шинели под своими пальцами и жар чужого тела. Это было наваждение, морок, в который она погрузилась с головой, вынырнув обратно в свою тихую, стерильную квартиру, только когда файл закончился.

Ей было жарко. Нестерпимо жарко. Она вскочила с кресла, подошла к окну и рывком распахнула створку. Холодный ночной воздух, сырой и колючий, ворвался в комнату, заставив пламя свечи на столе заметаться и погаснуть. Анна жадно глотала его, прижимая ледяные ладони к горящим щекам. Все, что она знала о своей бабушке, рушилось на глазах, словно тот самый дом под натиском огня. Строгая, набожная женщина, всю жизнь проходившая в черном, оказалась исчадием страсти, для которой не существовало ни запретов, ни условностей, ни даже элементарной безопасности. Она любила врага с такой силой, с такой самоотдачей, что это пугало и завораживало одновременно.

И Анна чувствовала — этот джинн, выпущенный из обугленной бутылки, уже не оставит ее в покое. Потому что где-то там, в глубине души, она завидовала. Завидовала этой всепоглощающей, сметающей все на своем пути страсти, которая у нее самой никогда не была. Ее отношения с мужчи-

нами всегда были спокойными, удобными, просчитанными, как ее дизайнерские проекты. Она никогда не теряла голову, никогда не жертвовала своим комфортом ради мимолетного взгляда или прикосновения. А ее бабушка сгорала дотла. И, судя по всему, была при этом абсолютно счастлива.

Хлопнула входная дверь. Анна вздрогнула. Даниил вернулся. Она услышала, как он раздевается в прихожей, как ставит ботинки, как проходит в ванную и долго моет руки. Ей вдруг нестерпимо захотелось увидеть его. Прямо сейчас. Посмотреть ему в глаза и спросить, что он чувствовал, когда читал этот текст. Ведь он читал его, он сам сказал об этом. Читал эти откровенные строки, восстанавливал каждую букву, каждую пошлую и прекрасную подробность. Что творилось в его душе? О чем он думал, глядя на свою работодателя?

Она нашла его на кухне. Даниил сидел за столом, сгорбившись, и пил холодную воду прямо из бутылки. Его профиль четко вырисовывался на фоне темного окна. Когда Анна вошла, он не обернулся, но она заметила, как напряглась его спина.

— Вы прочитали, — произнес он утвердительно, ставя бутылку на стол. Это был не вопрос.

— Прочитала, — ответила она, стараясь придать голосу нейтральность. — Это... это сильно.

Даниил медленно повернулся к ней. Его глаза в тусклом свете кухонного ночника казались двумя бездонными колодцами.

— Сильно — не то слово, Анна. Этот текст — бомба. Он меняет все.

Он встал, и внезапно маленькая кухня стала еще меньше. Воздух наэлектризовался так, что, казалось, дотронься до металлической мойки — и проскочит искра. Анна стояла, прижавшись спиной к дверному косяку, и чувствовала, как бешено колотится сердце. Даниил сделал шаг к ней. Не угрожающий, нет. Осторожный, словно он приближался к дикому зверьку. Но в этом шаге было столько сдерживаемой силы, что у Анны перехватило дыхание.

— Знаете, что самое сложное в моей работе? — спросил он, и его голос упал до интимного, почти интимного шепота. — Не технология. Не химия. Самое сложное — это не проецировать. Я вижу эти слова, я собираю их по крупицам, я чувствую жар, которым они были написаны. Ваша бабушка писала это, когда была младше вас. Она проживала это. И вы, читая, проживаете это сейчас. А я... я нахожусь между вами, как проводник. Я тот, кто дает вам голос прошлого. И я не могу оставаться бесстрастным механизмом. Эти слова... они проникают под кожу, хотите вы того или нет.

Он сделал еще шаг. Теперь их разделяло меньше полуметра. Анна чувствовала запах, исходивший от него. Он пах не

табаком и кожей, как тот офицер из дневника. Он пах кофе, старыми книгами и каким-то химическим реактивом, отдающим спиртом и мятой. И этот запах пьянил ее не меньше, чем описанный бабушкой.

— Вы говорили о предупреждении, — сказала Анна, и ее голос дрогнул. — О том, что я должна быть готова. Вы это имели в виду? Не только содержание дневников?

Даниил поднял руку и почти коснулся кончиками пальцев ее щеки, но замер в миллиметре от кожи. Она физически ощущала жар, исходящий от его ладони.

— Я имел в виду то, что происходит с нами сейчас, — прошептал он. — Я боюсь, что этот текст заразен. Что мы, как актеры, вживающиеся в роль, начинаем примерять эти сценарии на себя. Вы читаете о страсти, запретной и всепоглощающей, и ваша душа требует такой же. Вы смотрите на меня — не как на работника, а как на мужчину, который знает все грязные тайны вашей семьи. А я смотрю на вас и вижу не просто клиентку. Я вижу отблеск Елизаветы в ваших глазах. И это сводит меня с ума.

Анна замерла, боясь пошевелиться. Слова, сказанные им, были именно тем, что она сама боялась признать даже самой себе. Они были зеркалом ее собственных мыслей, озвученных этим странным, пугающим и притягательным человеком. Ее молчание было красноречивее любых слов. Даниил опустил руку и отступил на шаг, разрывая колдовской круг. Воздух вокруг словно остыл на несколько градусов.

— Простите, — сказал он уже своим обычным, суховатым тоном. — Это было лишним. Я предупреждал вас о несовместимости в работу, а сам нарушаю все мыслимые границы. Эмоции от прочитанного... они бьют через край. Я пойду. Мне нужно проветриться.

— Нет, — вырвалось у Анны. — Не уходите.

Она сама испугалась того, как это прозвучало. Это была не просьба, а почти мольба. Даниил остановился, глядя на нее с выражением, в котором смешались удивление и тщательно скрываемая надежда.

— Я хочу сказать... — Анна облизала пересохшие губы, подбирая слова. — Вы правы. То, что я прочитала, изменило что-то внутри. И я тоже смотрю на вас иначе. Я не знаю, как с этим быть. Но убегать — это не выход. Возможно, нам просто нужно принять тот факт, что эта история... история моей бабушки... она стала частью нас обоих. И мы не можем делать вид, что ничего не происходит. Давайте просто... продолжим работу. И будем честны друг с другом. Хотя бы в том, что касается этих дневников.

Даниил долго молчал. Его лицо было в тени, и Анна не могла видеть его выражения. Наконец, он кивнул.

— Хорошо. Давайте попробуем. Но я должен вам кое-что показать. То, что я нашел сегодня ночью, не закончилось на сцене на мельнице.

Они снова прошли в гостиную. Анна села в свое кресло, он остался стоять у стола с ноутбуком.

— Когда я восстанавливал этот фрагмент, программа дала сбой. Вернее, не сбой, а побочный результат. Томограф сканирует страницу послойно, и, разделив текст, я увидел то, что было на предыдущем, уже уничтоженном листе. Отпечаток. Чернила продавили бумагу, и на следующей странице, при определенной обработке, проступило зеркальное отражение написанного ранее. Я смог прочесть несколько строк. Они относятся к более позднему периоду. И там есть дата. Март сорок четвертого года.

Он щелкнул мышью, и на экране появилось изображение. На темном фоне проступали белые, словно призрачные, буквы. Они были написаны в зеркальном отражении, но программа уже их развернула. Анна прищурилась, вчитываясь.

«Март, 1944. Сегодня я узнала, что ношу под сердцем его ребенка. Боже, помоги мне. Я погубила не только себя».

Земля ушла у Анны из-под ног. Она медленно подняла глаза на Даниила. Его лицо было бледным и сосредоточенным.

— Ваша бабушка была беременна, — тихо сказал он. — От этого человека. От немецкого офицера.

Тишина в комнате звенела, как натянутая до предела струна. Анна пыталась переварить услышанное. Бабушка беременна от врага. В марте сорок четвертого года, когда война еще была в разгаре, когда Красная Армия неумолимо катилась на Запад. Что с ней стало? Что стало с ребенком? И тут ее осенила мысль, от которой кровь застыла в жилах.

— Моя мама... — прошептала Анна побелевшими губами. — Она родилась в сентябре сорок четвертого.

Они смотрели друг на друга в ужасе перед открывшейся бездной. Дневники перестали быть просто захватывающей любовной историей. Они превратились в расследование. Расследование, которое могло навсегда изменить представление Анны о самой себе.

— Вы понимаете, что это значит? — хрипло спросил Даниил. — Ваш дед, которого вы, возможно, считали героем войны, мог им не быть. Или быть совсем другим человеком.

— Моя мама была незаконнорожденной? Или... — Анна не договорила. Слишком чудовищно было произнести это вслух.

— Или она — плод той самой запретной любви, — закончил за нее Даниил. — И тогда мы только начали распутывать этот клубок.

Он взял со стола флеш-карту с новыми данными и покрутил ее в пальцах. Анна увидела, как побелели костяшки его пальцев.

— Я продолжу работу, — сказал он твердо. — Теперь это не просто восстановление текста. Это восстановление истины. Вашей личной истины. И мы должны дойти до конца, каким бы он ни был.

Он ушел в лабораторию, и дверь за ним закрылась с глухим стуком. Анна осталась одна. За окном занимался серый, промозглый рассвет. Город медленно просыпался, наполняя

ясь шумом машин и голосами ранних прохожих. Но для Анны время остановилось. Она смотрела на свое отражение в темном стекле и впервые в жизни не узнавала саму себя. Тайна, которую хранили обугленные дневники, разверзалась под ее ногами, как пропасть. И она понимала, что уже сделала шаг в эту пропасть. А Даниил, таинственный реставратор с серыми глазами, был ее единственным спутником на этом пути.

Прошло три дня. Три дня, наполненных мучительным ожиданием. Даниил почти не выходил из лаборатории. Он даже ночевал там, на раскладном кресле, которое сам принес из кладовки. Анна слышала, как поскрипывают пружины, когда он ворочается. Он брал короткие паузы на еду и душ, и в эти моменты они сталкивались в коридоре или на кухне. Между ними установилось странное, тревожное перемирие. Они больше не говорили ни о чем личном, только о технических деталях работы. Но взгляды, которыми они обменивались, были красноречивее любых слов. В каждом взгляде Даниила Анна читала немой вопрос: «Ты готова к тому, что мы найдем дальше?». И в каждом своем ответном взгляде она передавала: «Я не знаю, но я должна знать».

На четвертое утро, когда она варила кофе, дверь лаборатории открылась, и Даниил вышел. Он был непривычно возбужден, его глаза лихорадочно блестели.

— Мне удалось собрать еще один большой фрагмент, — сказал он, протягивая ей новую флешку. — Он сильно обгорел, но ключевые части текста читаются. Это продолжение того, мартовского, сорок четвертого года. Я еще раз предупредил вас об осторожности, но сейчас... сейчас я просто оставляю это здесь.

Он положил флешку на стол и вышел из кухни. Анна услышала звук захлопнувшейся входной двери. На этот раз он ушел из квартиры полностью, оставляя ее наедине с решением: читать или нет. Она знала, что уйдет недалеко, будет курить у подъезда, меряя шагами мокрый асфальт. Ждать ее вердикта.

Анна взяла флешку. На этот раз она не колебалась. Жажда правды пересилила страх. Она вставила накопитель в ноутбук, открыла файл и погрузилась в чтение.

«Я не знаю, что мне делать. Я в отчаянии. Каждый день теперь — пытка. Утренняя тошнота сгибает меня пополам, а страх выдает с головой. Мама смотрит на меня с подозрением, прикладывает руку ко лбу, спрашивает, не больна ли я. Если бы она знала, какой недуг меня сразил! Я лгу, говорю, что простыла. Но долго ли я смогу скрывать? Живот начнет расти, и тогда позора не избежать. Я опозорю семью. Меня выгонят из дома, или, что еще хуже, запрут в монастыре. Я должна бежать. Но куда? К кому?

Я написала ему. Отправила записку через нашего связного, мельника Игната. Я написала всего два слова: „У меня

будет ребенок“. Я не знала, как он отреагирует. Испугается? Отречется? Прикажет избавиться? Но вчера пришел ответ. Всего одна строчка, но она стоит всех сонетов мира. „Я позабочусь о вас. Жди. Максимилиан“. Максимилиан. Его имя звучит как музыка. Я повторяю его, прижавшись лицом к подушке, и плачу. Теперь я знаю, я не одна. Он признал нашего ребенка. Он не бросил меня.

Я жду. Каждый стук в дверь, каждый шорох шин за окном заставляет мое сердце колотиться. Я собираю вещи потихоньку, самое необходимое. Я готова бежать с ним хоть на край света. Мне плевать, что он враг, что он носит ненавистную форму. Для меня он — просто Макс. Мой Макс. Мужчина, которого я люблю больше жизни и которому я готова родить сына. Ибо я уверена, что это будет мальчик. Такой же сильный и красивый, как его отец».

Текст снова обрывался. Строчки прыгали, искажались, тонули в шуме помех. Последнее, что смогла разобрать программа, было начало фразы: «Он пришел ночью, вместе с бурей...».

Анна откинулась на спинку стула. Максимилиан. У офицера появилось имя. Максимилиан. Это имя меняло все. Оно делало его живым, реальным, осязаемым. Из безликого символа врага он превращался в человека. Макс. Ее бабушка любила его, ждала от него ребенка и была готова бежать с ним на край света. Что же случилось потом? Она явно не сбежала, раз мама родилась в поместье и ее записали как Ка-

линину. Значит, что-то пошло не так.

И тут ее осенило. Поместье. Бабушка осталась там, растила маму. Ее не выгнали. Значит, либо беременность удалось скрыть, либо... либо нашелся тот, кто ее прикрыл. Кто-то дал ребенку свою фамилию. Прадед? Или кто-то еще?

Голова шла кругом от догадок. Анна поняла, что ей необходим совет. Она налила себе полный бокал вина, чего не делала в одиночестве уже много лет, и выпила его залпом, даже не почувствовав вкуса. Тепло разлилось по телу, притупляя остроту переживаний. Ей нужно было обсудить это с Даниилом. Он был единственным, кто знал контекст. Единственным, кто мог понять.

Она оделась и спустилась во двор. Даниил стоял, прислонившись к капоту, и курил, пуская дым в серое небо. Завидев ее, он выпрямился. Он был без куртки, в одном свитере, и ветер трепал его волосы. Он выглядел до боли беззащитным в этот момент, несмотря на всю свою внешнюю суровость.

— Ну что? — спросил он, туша сигарету. — Вы прочитали.

— Максимилиан, — произнесла Анна одними губами. — Его звали Максимилиан.

Даниил резко выдохнул.

— Максимилиан, — повторил он, словно пробуя слово на

вкус. — Так вот ты какой, офицер вермахта, покоровший сердце русской девушки.

— Она была готова бежать с ним, — сказала Анна, обхватывая себя руками, чтобы не дрожать. — Она ждала его.

— Но он не пришел? Или пришел, но было поздно?

— Я не знаю. Дальше обрыв. Но я знаю, что моя мама родилась в поместье, и ее отчество — Андреевна. И фамилия Калинина. Что-то пошло не так.

— А что, если не пошло? — Даниил посмотрел ей прямо в глаза. — Что, если он все-таки смог вывезти ее, но потом вернул? Или что-то случилось с ребенком? Слишком много вариантов. Нам нужны новые данные.

Он задумался, потирая переносицу. Потом решительно направился к подъезду.

— Я кое-что попробую. Мне нужно перебрать все внутренние страницы третьего тома с ультрафиолетовым излучением другого спектра. Это может занять несколько дней.

— Подождите! — остановила его Анна. — Давайте сегодня не будем работать.

Он замер и обернулся. В его глазах мелькнуло удивление.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что мы оба на взводе, — сказала Анна, чувствуя, как сердце начинает биться чаще от собственной смелости. — Мы нашли то, что в корне меняет мою историю. И я не хочу сегодня снова погружаться в этот омут. Я хочу переварить. И... я не хочу делать это одна.

Повисла пауза. Ветер бросил в лицо пригоршню мелких, колючих дождевых капель. Даниил молчал, изучая ее лицо с тем же вниманием, с каким разглядывал спекшиеся страницы дневников. Затем он принял решение.

— Хорошо, — сказал он. — Я отвезу вас в одно место. Здесь недалеко. Там мы сможем подумать. И поговорить. Не о работе.

Он не спрашивал, он утверждал. И Анна подчинилась этой спокойной, уверенной силе, которая исходила от него. Они сели в его черный автомобиль, пропахший табаком и книгами, и поехали по мокрым, отливающим свинцом улицам города. Даниил вел машину сосредоточенно, но его профиль, подсвеченный огнями приборной панели, притягивал взгляд Анны, словно магнитом. Она смотрела на его руки на руле и вспоминала строчки из дневника: «Его руки... они были созданы, чтобы держать меня». Она отогнала эту мысль, но та вернулась, прилипчивая, как осенняя паутина. Она поняла, что пропасть между ней и прошлым становится

все тоньше. И мостом через эту пропасть служил человек, сидящий сейчас за рулем.

Они приехали на набережную. Заглушив мотор, Даниил вышел и открыл дверь для Анны. Перед ними, серой и неспокойной, катила свои воды река. Ветер здесь был сильнее, он рвал с воды пену и бросал ее на гранит парапета. Вдалеке, на другом берегу, тускло светились огни домов. Вокруг не было ни души.

— Зачем мы здесь? — спросила Анна, кутаясь в пальто.

— Здесь хорошо думается, — ответил Даниил, вставая рядом с ней и облачиваясь на парапет. — Река уносит лишние мысли. Я часто приезжаю сюда, когда работа заходит в тупик.

Они замолчали, глядя на воду. Молчание это не было тягостным. Напротив, оно было наполнено взаимопониманием, какое бывает только у людей, переживших вместе что-то экстраординарное. Анна чувствовала тепло, исходящее от его плеча, хотя они и не соприкасались.

— Расскажите о себе, — вдруг попросила она. — Вы столько знаете о моей семье, обо мне, а я о вас — ничего. Кроме того, что вы — волшебник, оживляющий мертвые буквы.

Даниил усмехнулся. Горько, одними уголками губ.

— Моя история гораздо скучнее, чем та, что мы читаем, — сказал он. — Я вырос в семье военного. Отец — полковник, ждал, что я пойду по его стопам. А меня интересовали только книги. Старые книги, рукописи, все, что хранит след времени. Отец называл это «пыльной ерундой». Я пошел наперекор, уехал учиться в столицу. Стал реставратором. Мы не общались много лет. А когда он умер... — Даниил запнулся, сжимая челюсти. — Когда он умер, я понял, что так и не узнал его. По-настоящему. У нас не было ничего общего. И я дал себе слово, что больше никогда не позволю прошлому уйти безвозвратно. Вот почему я делаю то, что делаю. Я возвращаю людям их истории.

Он повернулся к ней, и ветер бросил прядь его волос на лоб. Анна, не думая, что делает, протянула руку и убрала ее. Ее пальцы коснулись его виска, задержавшись на долю секунды дольше, чем требовалось. Даниил замер. Его глаза потемнели, стали почти черными.

— А я боюсь, что моя история мне не понравится, — прошептала Анна, убирая руку. — То, что мы нашли... Если моя мама — дочь того офицера, то кто тогда я?

— Вы — это вы, — твердо сказал Даниил. — Никакие дневники, никакие тайны прошлого не могут изменить вашу сущность. Вы — Анна Калинина. И я... — он снова запнулся, подбирая слова, — я вижу перед собой сильную, умную и невероятно красивую женщину, которая пытается справить-

ся с грузом, доставшимся ей по наследству. И мне не все равно.

Это было признание. Не в любви, нет. Но в чем-то большем, чем простая симпатия. Это было признание в причастности. В том, что он тоже стал частью этой истории, и пути назад у них нет. Анна смотрела на его тонкие, резко очерченные губы, на серые глаза, в которых отражался свет далеких фонарей, и чувствовала, как внутри нее разгорается то самое пламя, о котором писала бабушка. Пламя запретное, опасное, но такое сладкое.

— Пойдемте домой, — сказала она. — Холодно.

Она сказала «домой», имея в виду свою квартиру, которая с его приходом перестала быть просто местом жительства. Теперь это было место, где жила тайна, где переплелись их дыхание и мысли. Они вернулись в машину. Всю дорогу они молчали, но это молчание было наполнено новым, неизведанным электричеством. Когда они поднялись в квартиру, их встретила привычная тишина и гул томографа, который Даниил забыл выключить, второпях уходя.

— Я, пожалуй, пойду к себе, — сказала Анна, останавливаясь в дверях своей спальни. — День был слишком длинным.

— Да, конечно, — ответил Даниил, но не двинулся с места.

Они стояли в полутемном коридоре, и воздух между ни-

ми искрился. Момент тянулся бесконечно долго, словно сама судьба давала им шанс либо отступить, либо шагнуть навстречу друг другу. Анна вспомнила строчки из дневника: «Он запретил мне плакать. „Никаких слез, Элизабет“». Она подняла глаза на Даниила, и в ее взгляде не было слез, но была решимость.

— Спокойной ночи, Даниил, — сказала она.

— Спокойной ночи, Анна.

Она закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Сердце колотилось как бешеное. Она слышала, как его шаги удаляются в сторону лаборатории. Не в сторону раскладного кресла. Он не пошел спать. Он пошел работать. Потому что он тоже чувствовал то же, что и она: пока тайна прошлого не раскрыта до конца, у их настоящего нет права на существование.

Анна подошла к окну и посмотрела на темный город. Где-то там, в толще времени, ее бабушка ждала своего Максимилиана, готовая отдать все за свою запретную любовь. И эта любовь, зародившаяся в пламени войны, теперь дотянулась до нее, требуя продолжения. Она посмотрела на дверь, за которой горел свет и работал Даниил, собирающий по крупинкам эту любовь. «Кто мы друг другу? — подумала она. — Случайные попутчики или отражения тех, кто жил и любил семьдесят лет назад?».

Ответа пока не было. Он скрывался где-то в обугленных страницах, которые терпеливо, слой за слоем, оживлял че-

ловек с серыми глазами и руками, созданными, чтобы держать. Оставалось только ждать. И верить, что правда, какой бы горькой она ни была, принесет освобождение им обоим.

Глава 3. Призраки на граните

Утро после поездки на набережную выдалось солнечным и морозным — редкий подарок для середины октября. Анна проснулась оттого, что тонкий луч света, пробившись сквозь неплотно задернутые шторы, упал ей на лицо и настойчиво щекотал веки. Она перевернулась на спину, несколько мгновений вглядывалась в белоснежный потолок, а затем память услужливо подбросила события вчерашнего вечера. Река, холодный ветер, его волосы под ее пальцами, напряжение в темном коридоре, граничившее с электрическим разрядом. И слова Даниила: «Мне не все равно». Сердце пропустило удар, а затем забилось часто и тревожно, словно она внезапно проснулась не в своей постели, а на краю обрыва.

Она прислушалась. В квартире стояла тишина, та особенная, напоенная пылью и ожиданием тишина, которая бывает только тогда, когда кто-то не спит, но нарочно затаился. Гул томографа не доносился из лаборатории, и это было странно. Анна накинула халат, сунула ноги в мягкие тапочки и осторожно, словно боясь спугнуть нечто важное, вышла в коридор. Дверь лаборатории была приоткрыта, и из щели пробивался тусклый, холодный свет мониторов.

Она заглянула внутрь. Даниил спал. Он сидел в кресле, откинув голову назад, и лицо его, обычно такое жесткое и сосредоточенное, сейчас было безмятежным, почти детским.

Губы чуть приоткрыты, ресницы бросали длинные тени на бледные скулы. Одна рука безвольно свисала с подлокотника, а на коленях лежала та самая третья тетрадь, раскрытая на странице, которая, казалось, дышала своей обугленной чернотой. Рядом на столе светился монитор, показывая бесконечные ряды серых пикселей — необработанные данные ночного сканирования. Он работал всю ночь, пока она ворочалась в постели, то проваливаясь в тревожные сны, то выныривая обратно к реальности.

Анна замерла, боясь пошевелиться. В этом было что-то глубоко интимное — видеть его таким, уязвимым, лишенным обычной брони отстраненности и профессионального цинизма. Ей захотелось протянуть руку и коснуться его щеки, убрать упавшую на лоб прядь, как она сделала это вчера на ветру. Но она сдержалась. Это было бы вторжением, нарушением незримой границы, которую он сам установил, когда требовал невмешательства в работу. Она тихо прикрыла дверь и на цыпочках ушла на кухню.

Завтрак она готовила почти механически, но мысли ее были далеко. Кофе, яйца, тосты — все это было лишь декорацией к внутреннему монологу. Итак, бабушка любила врага. Носила под сердцем его ребенка. Была готова бежать с ним на край света. А что же было дальше? Куда делся Максимилиан? Почему мама, родившаяся в сентябре сорок четвертого, носила фамилию Калинина и отчество Андреевна? Кто был этот Андрей, чье имя записали в метрике? И самое глав-

ное — жив ли был Максимилиан? Вернулся ли он за своей Лиззи, или война поглотила его, как поглощала миллионы других судеб?

Эти вопросы жгли ее изнутри, требуя немедленного ответа. И единственным ключом к разгадке были дневники — безмолвные свидетели прошлого, которые Даниил терпеливо воскрешал из пепла. Анна поймала себя на том, что с нетерпением ждет его пробуждения, чтобы узнать, что же удалось добыть за ночь. Она поставила на поднос две чашки дымящегося кофе, тарелку с горячими тостами и баночку джема и, набравшись смелости, снова пошла к лаборатории.

Она легонько постучала костяшками пальцев по косяку. Изнутри донеслось неразборчивое мычание, затем скрип кресла.

— Даниил? — позвала она негромко. — Я принесла кофе. Можно войти?

— Да, конечно, — его голос был хриплым спросонья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.